

Бой при Виньково 22 сентября 1812 г.

22 сентября 1812 г.¹ вблизи сельца Виньково², расположенного на Старой Калужской дороге, на левом берегу р. Чернишни, разыгрался кровопролитный бой между русским арьергардом под командованием генерала от инфантерии М.А. Милорадовича и авангардом Великой армии под началом маршала империи И.-Н. Мюрата. Этот бой, длившийся почти 10 часов, закончился в пользу русского оружия и положил конец начавшемуся после оставления Москвы маневрированию войск, руководимых главнокомандующим армиями светлейшим князем М.И. Голенищевым-Кутузовым. Последний в рапорте Александру I от 23 января 1813 г. о бое при Виньково (в документе он назван «делом при селении Чернишни») писал: «Дело столь важное, которое, конечно, назвать баталиею заслуживает»³.

Однако, несмотря на свою значимость, бой при Виньково не получил достаточного освящения в историографии. В дореволюционных изданиях о нем сообщалось лишь на основе лапидарной записи из Журнала военных действий, где был пересказан рапорт Милорадовича от 22 сентября о бое с Мюратом⁴. Специально бой 22 сентября рассматривался только в докладе Н.П. Поликарпова, прочитанном 16 декабря 1910 г. на заседании кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года и изданном отдельным оттиском⁵. Автор представил в докладе обобщенные историко-статистические данные из военной документации частей, участвовавших в арьергардных боях. При этом Поликарпов неоправданно расширил географические рамки боя при Виньково, включив в него и события предшествующего дня, происходившие при с. Спас-Купля. Тем самым он преподнес искаженную информацию, соединив в одно целое два разновременных боевых действия.

В последующее время не только не было продолжено исследование боя при Виньково, но и сам этот бой оказался фактически вычеркнут из истории войны 1812 года. События, происходившие 22 сентября при Виньково, без каких-либо оснований стали соотносить с арьергардным боем, который произошел накануне, 21 сентября, при с. Спас-Купля. Так, в сборнике документов «М.И. Кутузов», изданном в 1954 г., рапорт главнокомандующего императору от 23 января 1812 г. о бое при Виньково назван рапортом о бое при Спас-Купле. В книге «1812 г. Воспоминания воинов русской армии», увидевшей свет в 1991 г., комментаторы текстов объединили события 21 и 22 сентября в один бой 22 сентября при Спас-Купле. При этом замечание майора 1-го егерского полка М.М. Петрова о том, что он 22 сентября принимал участие в «сражении при д. Винькове, перед левым берегом оврага ручья Чернишны», было названо ошибкой и сделано пояснение, что мемуарист имел в виду сражение 22 сентября при Спас-Купле⁶. Как сражение при Спас-Купле рассматривал события 22 сентября А.И. Ульянов в работе «Тарутинское сражение. Проблемы изучения». Он же являлся автором статьи в энциклопедии «Отечественная война 1812 г.», в которой события 21 и 22 сентября были объединены в один бой при Спас-Купле 22 сентября 1812 г.⁷ Автор книги «Большая Европейская война 1812–1815 гг.» А.А. Подмазо, давая краткое описание событий 22 сентября, также акцентировал внимание на Спас-Купле как на главном пункте происходившего в этот день боя⁸. Публикуя дневники и письма Р.Т. Вильсона на русском языке, авторы комментариев соотнесли сведения о бое при Виньково с Тарутинским сражением⁹.

Как видно, в отечественной историографии XX в. появилась тенденция к неправильной интерпретации событий, произошедших 22 сентября 1812 г. вблизи сельца Виньково, которая продолжает существовать до сегодняшнего дня. Вместе с тем обращение к

документам военного командования и мемуарным источникам, как русским, так и иностранным, позволяет внести ясность в этот вопрос и, восстановив последовательность событий 21 и 22 сентября, определить место арьергардного боя при Виньково в истории Отечественной войны 1812 года.

После оставления Москвы 2 сентября 1812 г. русские армии совершили фланговый маневр и вышли 8 сентября на Старую Калужскую дорогу к деревне Красная Пахра. Расположив здесь главные силы, Кутузов, в ожидании действий неприятеля, выдвинул в разных направлениях два сильных авангардных отряда. К 10 сентября отряд, при котором находился Милорадович, располагался впереди армий в д. Десна на Старой Калужской дороге. Он состоял из 8-го пехотного корпуса и 1-го кавалерийского корпуса. Второй отряд под командованием Н.Н. Раевского стоял в деревне Луковне, на левом берегу р. Пахра, прикрывая путь от Подольска к Красной Паше. В этом отряде находились 7-й пехотный и 4-й кавалерийский корпуса. Авангардные отряды имели в своем составе казачьи полки, которые наблюдали за всеми лежащими к югу от Москвы дорогами: на Рязань, Каширу, Серпухов и Калугу (Старую и Новую)¹⁰. Простояв в ожидании нападения неприятеля до 14 сентября, русские армии во избежание обходного маневра начали отходить в ночь на 15 сентября по Старой Калужской дороге к д. Бабинки. Для прикрытия правого фланга русских войск на Чириковскую дорогу был выдвинут еще один отряд под командованием графа А.И. Остермана-Толстого в составе 4-го пехотного и 2-го кавалерийского корпусов¹¹.

В последующие дни Кутузов принимает решение отвести войска на более выгодную позицию - к Тарутину. В предписании от 18 сентября князю И.М. Вадбольскому, направленному во главе партизанского отряда на Новую Калужскую дорогу, говорилось, что армия «завтрашний день отступит по Старой калужской дороге до села Спас-Купля, а 20 числа до

деревни Тарутиной к реке Наре, куда и имеете доставлять ваши донесения»¹². 19 сентября русская армия перешла к селу Спас-Купля. В этом месте армия оставалась весь следующий день, а 21 сентября заняла Тарутинскую позицию¹³.

Противник, прекративший активное преследование русских войск после вступления в Москву, только 9 сентября обнаружил исчезновение их с Рязанской дороги. С 10 сентября начались активные поиски пропавших армий. Авангард под командованием Мюрата перешел Москву-реку и двинулся к Бронницам. В него входили 1-й, 2-й и 4-й корпуса кавалерийского резерва, дивизии легкой кавалерии 1-го (одна бригада) и 3-го армейских корпусов, 2-я пехотная дивизия 1-го армейского корпуса и Вислинский легион. Тогда же для наблюдения за Старой Калужской дорогой был создан сводный корпус под командованием маршала Ж.Б. Бессьера в составе 4-й пехотной дивизии и бригады легкой кавалерийской дивизии 1-го армейского корпуса, 3-го корпуса кавалерийского резерва и сводной бригады (4-я и 5-я бригады) гвардейской кавалерии. К вечеру 13 сентября неприятель вступил в соприкосновение с русскими аванпостами, и уже 14 сентября Наполеону сообщили, что русские армии находятся на Старой Калужской дороге в одном переходе от Москвы. Такое близкое расположение к разбросанным вблизи города частям Великой армии, при учете начавшегося давления на коммуникационную линию, было для войск Наполеона опасным и нетерпимым. Однако французский император, стремившийся дать отдых своим войскам, не решился выступить всеми силами против Кутузова. Он был уверен, что русские армии начнут отходить, если авангард перейдет в решительное наступление. Поэтому Наполеон, передав под командование Мюрата 5-й армейский корпус и 3-й корпус кавалерийского резерва, приказал ему напасть на русские войска и отбросить их на несколько переходов от Москвы. Бессьер с оставшимися в его сводном корпусе

силами должен был остаться на Старой Калужской дороге в качестве резерва, на который Мюрат мог бы опереться в случае необходимости¹⁴.

Выполняя распоряжение Наполеона, Мюрат стремился оттеснить Кутузова как можно дальше от Москвы. 17 сентября состоялся бой у д. Чириково, вечером 19 сентября были атакованы аванпосты, которые отступили по Старой Калужской дороге на 2 км к д. Голохвостово (Голохвостово). К вечеру 20 сентября арьергард русских войск, расположившийся впереди Воронова, был снова атакован. Отступив за Вороново более километра, Милорадович остановил арьергард, выставив в 500 м впереди главных сил аванпосты¹⁵.

21 сентября Мюрат продолжил свое наступление. В 2 часа дня (по воспоминаниям Бутурлина, в час) неприятельские войска от Воронова двинулись на арьергард Милорадовича по двум направлениям: по Старой Калужской дороге и по дороге, ведущей в обход правого фланга русских, через Богоявленское к Спас-Купле. Главные силы арьергарда, опасаясь быть отрезанными, начали отступать к Спас-Купле, у которой должны были соединиться отряды противника. Капитан 2-го пехотного полка Вислинского легиона Г. Брандт так описал это движение: «3 октября [21 сентября] мы продолжали марш почти безостановочно. Довольно открытая равнина позволяла видеть и наши, и неприятельские движения. Обе пехотные дивизии [Вислинский легион и 2-я пехотная дивизия 1-го армейского корпуса. – В.Б.], построенные в каре, прикрывали фланги кавалерии, наступавшей отчасти в колоннах, отчасти в линиях. Вся артиллерия следовала в виду *corps de bataille* [боевого построения. – В.Б.]. Огромный вагенбург образовывал подвижную базу наших операций и мог быть признан за редюит»¹⁶. Отход арьергарда прикрывала кавалерия. Милорадович, извещая Коновницына о событиях 21 сентября, отмечал, что неприятель на обеих дорогах был «удерживаем на всяком удобном месте»¹⁷.

Соединив отходившие по двум дорогам арьергардные отряды у с. Спас-Купля, Милорадович разделил их на две части. На Старой Калужской дороге, против дефиле, образованного подходившим с двух сторон к дороге лесом, он расположил полки 8-го пехотного корпуса и на высотах около села выставил батарею из 14 орудий конной артиллерии под командованием подполковника Я.В. Захаржевского (командир конной роты №6, находившейся в составе 2-го кавалерийского корпуса). В первой линии была оставлена кавалерия арьергарда – регулярная и иррегулярная. За этими войсками, у сельца Виньково, встали 4-й и 7-й пехотные корпуса, которым на рассвете было приказано соединиться с главными силами армии.

На открытое пространство перед Спас-Куплей противник выходил по двум дорогам. Тот, кто следовал по Старой Калужской дороге, был встречен огнем батареи. «Неприятель, - писал Милорадович, - построил свою батарею из 18 орудий батарейных, но по местоположению слишком в близком расстоянии, так что большую часть его выстрелов переносило. Наша батарея сбила неприятельскую, подбив у них 3 орудия и взорвав четыре ящика, во время же движения оной, сильно преследовала ее ядрами»¹⁸.

Войска, следовавшие по обходной дороге, к вечеру подошли к лесу, за которым находилось с. Спас-Купля. Старший врач 3-го вюртембергского конно-егерского полка «Герцог Луис» 2-й легкой кавалерийской дивизии 2-го корпуса кавалерийского резерва Г.У. Роос, находившийся в этом отряде, вспоминал: «В этот день мы проехали очень много; люди и кони устали и почти обессилили от трудов и лишений. Сколько не прищпоривали коней, они шли только шагом. Уже вечерело, когда мы приблизились к лесу близ Спаса-Купли, влево от дороги, ведущей из Москвы в Тарутино. «Что же, и лес проезжать?» – ворчали наши солдаты. Узкой тропой Себастьяни повел нас в него. Задние ряды

дивизии еще не успели достигнуть входа в лес, как передние уже вступили в бой с казаками. Пришлось ускорить движение; малолюдные полки построились в линии и принялись стрелять из ружей и пистолетов по русской коннице, построенной между этим лесом и деревней»¹⁹. На этой дороге войска противника караулила легкая кавалерия, находившаяся, как свидетельствовал генерал-адъютант граф В.В. Орлов-Денисов, под его командованием. Узнав о движении неприятеля, он поставил против дороги гусарские полки, а на флангах скрытно разместил казачьи. Справа – три полка под командованием командира Атаманского казачьего полка полковника С.Ф. Балабина 2-го, а слева – четыре полка под командой полковника В.А. Сысоева 3-го. Как только неприятель построил третий полк, Орлов-Денисов приказал двум гусарским полкам двинуться на противника в атаку рысью, «дабы тем обратить на себя внимание его, а казачьим полкам, бывшим в засадах, в тоже время броситься неприятелю во фланги. Атака сия исполнена была с такой быстротой и порядком, что неприятель был опрокинут и обратился в совершенном расстройстве по лесу в бегство, преследуемый более трех верст, при чем понес значительный урон убитыми и пленными»²⁰. В поражении неприятеля, согласно рапорту Милорадовича, приняла активное участие и артиллерия, которая «столь удачно действовала, что неприятельская кавалерия принуждена была скрыться в лес»²¹. Об этой заставшей врасплох войска атаке Роос писал: «Вдруг со всех сторон раздались громкие крики: «Коли, ура! Коли, ура!» Оказывается, позади нашего фронта с обеих сторон из лесу появились большими массами казаки с пиками наперевес; они обходили нашу дивизию, а впереди оба фронта вступили в рукопашную. Стрельба и крики «Коли! Коли!» становились все сильнее, бежавшие смешались с преследующими; свои и враги приближались с боевым шумом и криком, а я стоял у узкого входа в лес, который был для всех нас единственным входом к бегству и

спасению». Повернув коня, Роос стремглав бросился к выходу из леса. «Оглядываться, – отмечал он, – было некогда, однако я заметил впереди и около себя пруссаков, французов, русских, поляков и своих. Кругом кололи, рубили, падали и стаскивали с коней; на дороге валялись всякие предметы, потерянные теми, которые уже ускакали вперед. Молодой прусский офицер, уже раненный несколько раз, прокричал около меня “pardon!”. Только появление польских войск 5-го корпуса заставило казаков прекратить преследование и вернуться к исходной позиции»²².

В конечном счете, к вечеру войскам Мюрата удалось выйти из леса и расположиться вблизи Спас-Купли. Русский арьергард остался на позиции за селом, имея впереди него аванпосты²³. В этом бою легкая кавалерия 2-го корпуса понесла серьезные потери. Роос вспоминал, что в его полку выбыло из строя 5 офицеров и около 25 рядовых, а во всей 16-й (иностранной) бригаде 2-й дивизии легкой кавалерии потери составили 14 офицеров и 120 солдат. Если учесть, что после боя при Спас-Купле в строю 3-го вюртембергского конно-егерского полка, где служил Роос, осталось чуть более 30 человек, то можно отнестись с доверием к данным рапорта Милорадовича о результатах боя. В нем он сообщил, что «по словам пленных истреблено 7 полков кавалерийских: 4 французских, 2 польских и один виртембергский», а в плен было взято 10 офицеров и более 150 рядовых²⁴.

Однако постигшая неудача не остановила Мюрата, и 22 сентября в десятом часу утра он возобновил наступление на русские позиции. Сбив аванпосты у Спас-Купли, противник приблизился к главным силам арьергарда, расположенным за селом. Адьютант командира 2-й пехотной дивизии Мишель в составленном им в 1817 г. описании боя при Виньково писал: «4 октября [22 сентября] мы обнаружили русскую кавалерию в боевом порядке на равнине, правым флангом опирающуюся на высоту, левым – на два маленьких пригорка близ леса, который ведет к деревне

Яблонка. Русская пехота образовывала вторую линию сзади; артиллерия была расставлена на дороге через определенные промежутки». Кавалерия противника, поддерживаемая пехотой, перешла в наступление и потеснила русскую кавалерию. «Пехота противника, – вспоминал Мишель, – ощутила удар и, казалось, хотела удержать свои позиции, однако, подвергшись мощной атаке, она дрогнула и обосновалась на левом берегу долины Чернишни, в глубине которой протекала маленькая речушка под тем же названием»²⁵.

В своих воспоминаниях Брандт, отмечал, что Вислинский легион двигался на правом фланге войск Мюрата, построенный, как и накануне, в каре. День был ясный. «Мы, – писал Брандт, – очень скоро встретились с неприятелем, гораздо превосходившем нас силами своей кавалерии. Медленный отход регулярной конницы и смелость казаков заставили предположить стойкое сопротивление. В этом мы тотчас же убедились. Прекрасная равнина, по которой мы двигались, постепенно наполнилась сынами Дона, которые неоднократно разворачивались перед нами, открывали сильный огонь и затем поспешно отходили. В то же время у Спас-Купли, а потом Богородского загремела жестокая канонада»²⁶.

Милорадович, имевший в тылу р. Чернишню с крутыми берегами, затруднявшую связь с главными силами армии, стоявшей в Тарутинском лагере, предпринял отступательное движение. Он начал отводить войска на новую позицию, за р. Чернишню²⁷. Это движение было поручено прикрывать кавалерии и конной артиллерии, которые активно обстреливали наступающие войска, стремясь максимально замедлить движение противника.

Ближе к 11 часам русская кавалерия остановилась за с. Богородским, чтобы встретить неприятеля. Она встала несколькими линиями, прикрыв движение по Старой Калужской дороге и заняв пространство по берегам р. Чернишни. Войска Мюрата приготовились к

атаке. Пехота встала в каре с большими дистанциями. В интервалах расположилась артиллерия, сзади линии пехоты выстроилась кавалерия. На крайне правом фланге стоял 2-й пехотный полк Вислинского легиона. К нему примыкал 3-й полк, и замыкал линию дивизии 1-й полк. Далее, в одной линии с легионом стояла 2-я пехотная дивизия 1-го армейского корпуса под командованием бригадного генерала барона Ф.М. Дюфура. На Старой Калужской дороге, как свидетельствует Мишель, находился 15-й полк легкой пехоты, левее него располагался 33-й полк линейной пехоты. За ним стояли 48-й полк линейной пехоты и испанский полк «Жозеф Наполеон» (2-й и 3-й батальоны). При этом Брандт указывал, что рядом с 1-м пехотным полком Вислинского легиона находился 94-й полк линейной пехоты, который занимал позицию впереди линии войск. При нем были четыре полковых орудия (рота полковой артиллерии). Что касается номера полка, то Брандт явно ошибается, так как 94-й полк не только не входил в состав 2-й пехотной дивизии, но вообще не принимал участия в русском походе. Возможно, речь идет о какой-то части одного из двух линейных полков 2-й пехотной дивизии (33-го или 48-го), которая вместе с ротой полковой артиллерии была направлена правее Старой Калужской дороги для поддержки наступавшего по ней легкого полка. На левом фланге отряда Мюрата располагался 5-й армейский корпус Понятовского²⁸. «Замечательно, – пишет Брандт, – что все эти построения и распоряжения были произведены почти без выстрела. Король Неаполитанский (Мюрат. – *В.Б.*) проехал по боевой линии и сказал командиру второго батальона 2-го полка, с которым был знаком лично: “Ну вот, мы как в Египте”. Солдаты радостно приветствовали Мюрата: они уважали его за храбрость и неустрашимость, любили за ласковость, за умение обращаться с ними»²⁶.

Наступление продолжилось. Русская кавалерия, обстреливая противника, постепенно отходила к главным силам, вставшим на новой

позиции на левом берегу р. Чернишни. В это время («часов в одиннадцать», – считал Брандт) 2-й пехотный полк Вислинского легиона получил приказ занять лесок, располагавшийся справа от него. Лес не был занят русскими, поэтому поляки быстро прошли через него и оказались у берега р. Чернишни, протекавшей в глубокой долине, «о существовании которой, – замечает Брандт, – мы ничего не знали. В этот момент мы увидели впереди себя русскую кавалерию. Она отошла поспешно и демаскировала до сорока орудий, которые с другого берега реки открыли по нам сильнейший огонь. Все разом остановилось». Возможно, на этом направлении противника встретила артиллерия под командованием подполковника Л.Л. Гулевича, командира 23-й артиллерийской бригады и батарейной роты №23. О его действиях начальник штаба 1-й армии А.П. Ермолов писал: «Две батарейные роты с подполковником Гулевичем, не будучи никак охраняемы, закрывали собой движение войск, и неприятель ничего не предпринял против них». Под командой подполковника могли находиться батарейные роты 4-го пехотного корпуса, части которого после полудня были выдвинуты на левый фланг занятой русскими позиции. Это батарейная рота №2 и батарейная рота №23 (всего 24 орудия)³⁰.

Четыре орудия, находившиеся при французской части, были выдвинуты к берегу реки и вступили в бой с русской батареей. Одновременно вольтижеры 2-го полка Вислинского Легиона и французского полка перешли в разных местах реку и укрепились на противоположном берегу. Артиллерия, видя движение противника, отошла под прикрытием кавалерии к основным силам.

Переправившись на левый берег Чернишни, войска Мюрата нашли части арьергарда под командованием Милорадовича на новой позиции. Отойдя примерно на 4 км от занимаемого утром места при Спас-Купле, русские части стали за р. Чернишней. Левом флангом они опирались на р.

Нару, а правым – на Дедневский лес. Эта позиция была последней перед Тарутинским лагерем. «Невозможно было, – писал Ермолов, – уступить одного шагу, ибо позади на большое пространство к стороне лагеря продолжающаяся покатошь оканчивалась речкою, и неприятель, овладевши возвышениями, мог видеть всякое движение в нашем лагере, а по речке расположа передовые посты, препятствовать водопою»³¹. На этой позиции Милорадовичу предстояло остановить дальнейшее наступление отряда Мюрата. О необходимости защищать занятое им место Кутузов в половине первого сделал особое распоряжение. В нем говорилось: «Его светлость (Кутузов. – В.Б.) предлагает вашему высокопревосходительству без дальней нужды не отступать, а когда сие отступление начнется, отделить некоторые казачьи полки вправо и влево... Впрочем отступление ваше без дальней нужды быть не должно, и для того готовы всякую минуту 4-й корпус и 1-й кавалерийский подкрепить, которые оставлены у переправы»³². Этим приказом подтверждалось возвращение к арьергарду оставивших его накануне частей. Первоначально предполагалось переправить их через р. Нару к главным силам армии, но проявленная противником активность заставила направить их для поддержки войск Милорадовича с целью сохранения тактически важной позиции перед с. Тарутино.

После перехода войск Мюрата через Чернишню основные действия развернулись вблизи Старой Калужской дороги, вдоль которой шло наступление противника. 15-й полк легкой пехоты, следовавший по дороге, встретил серьезное сопротивление в Виньково. Против этого полка действовали части 2-го кавалерийского корпуса под командованием Корфа. В наградном списке указывалось, что он «удержал неприятеля у деревни Чернышни до самых тех пор, пока не получил повеления привести оного в назначенный пункт, чем и дал Милорадовичу выбрать позицию выгодную»³³.

Остальные полки 2-й пехотной дивизии Дюфура, составлявшие центр позиции, заняли пространство до д. Петрово. Слева от них, на возвышенности западнее Тетеринки, встал польский корпус. На левом же фланге была сосредоточена основная часть кавалерии противника: 1-й, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса резерва с прикомандированными к ним частями дивизий легкой кавалерии 1-го и 3-го армейских корпусов. Атаку пехоты в центре и на правом фланге поддерживал 3-й кавалерийский корпус резерва. Справа от занявшего Виньково частей 2-й пехотной дивизии располагалось три пехотных полка Вислинского легиона³⁴. Войска, состоявшие под командованием Мюрата, имели резерв в виде сводного корпуса Бессьера, располагавшегося на Старой Калужской дороге за лесом, лежащим перед с. Спас-Купля. Капитан Ф. Дюмонсо, служивший во 2-м шволежерско-уланском (голландском) полку сводной бригады гвардейской кавалерии, вспоминал, что вместе с 4-й пехотной дивизией 1-го армейского корпуса они находились от места боя «в одном лье (4,5 км. – *В.Б.*) перед входом в дефиле. Мы стояли на биваках в поле, рядом с большой и красивой двухэтажной фермой из красных кирпичей, которую занимал штаб герцога Истрийского (Бессьера. – *В.Б.*)»³⁵.

Капитан Брандт, действовавший на крайнем правом фланге, вспоминал: «Когда мы дебушировали из долины, кавалерия снова отошла и снова демаскировала многочисленную артиллерию, открывшую жестокую канонаду в ту самую минуту, когда 94-й французский полк (т.е. часть 33-го или 48-го линейного полка. – *В.Б.*) в первой линии и 2-й и 3-й польские полки во второй выдвинулись из речной долины на несколько сотен шагов. Батальон 94-го полка, бывший впереди нас, терпел сильно и начал колебаться. Командир его делал все возможное для приведения людей в порядок; но в то мгновение, когда он мог надеяться на успех своих стараний, одного офицера, бывшего верхом, граната подняла на воздух в буквальном смысле слова; батальон побежал на наш полк, и обе

эти части могли быть устроены уже на окраине долины Чернишни. Осколок гранаты сорвал с моей головы кивер с такой силой, что одна чешуя лопнула, и сам я, во время бегства, был сброшен с лошади». Отброшенные части не преследовались русской кавалерией, поэтому им удалось спастись и перестроиться. В это время к месту боя подошли 15 орудий, с большим трудом переправившиеся через Чернишню. «Мы, – продолжает Брандт, – двинулись теперь вперед в несколько лучшем тактическом порядке. Батареи утвердились на своих местах; мы заняли застрельщиками находившийся правее нас кустарник и построились позади него в приличном расстоянии». Слабые полки кавалерии находились в интервалах между полками и за ними. «Бой, – вспоминал Брандт, – продолжавшийся в то же время на нашем левом фланге, был так же жарок: канонада гремела страшно, и сам Мюрат отправился туда»³⁶.

На правом фланге русской позиции борьба развернулась между располагавшимися там кавалерийскими частями. По всей видимости, особой активностью отличалась именно русская кавалерия, как регулярная, так и иррегулярная. Ермолов в своих воспоминаниях подчеркивал, что командовавший полками 1-го кавалерийского корпуса «генерал-майор Шевич, с искусством распоряжаясь кавалериею на правом фланге, выиграл даже некоторое расстояние; французские кирасиры не могли сдержать стремительного нападения нескольких эскадронов гвардейских наших улан, которых пики притуплены были о их железную броню». С не меньшей активностью действовали и казаки, находившиеся под командованием Орлова-Денисова, который «благоразумным своим распоряжением отразил неприятеля, нападавшего на правый фланг, причем получил в правую ногу картечью контузию и остался в сражении до окончания всего дела»³⁷. Вместе с тем происходившие на правом фланге кавалерийские атаки не оказали существенного влияния на исход боя и не принесли ощутимых выгод ни

одной из противоборствующих сторон. По-прежнему основная борьба разворачивалась вблизи Старой Калужской дороги.

Постепенно русские войска, действовавшие против правого фланга противника, начали переходить от обороны к наступлению. Вначале на стоявшие против левого фланга русских войск части повела атаку кавалерия. Брандт вспоминал, что эти атаки были «остановлены хладнокровием нашей конницы: она ожидала противника имея ружья наготове, и противник всякий раз отказывался от нападения». Вскоре к наступлению начала готовиться пехота. Как только обнаружилось решительные намерения русских, кавалерия противника отошла к р. Чернишне, куда были отправлены передки орудий и артиллерийские лошади. В первой линии была оставлена пехота и артиллерия. «Наши застрельщики, - вспоминал Брандт, - были отброшены стремительно; однако и наступавшие русские попали под выстрелы нашей пехоты и снова отошли, оставя кустарник не занятым» Атаку пехоты поддержала и кавалерия, основной удар которой обрушился на 3-й пехотный полк Вислинского легиона. Возможно, именно на этом направлении особо активно действовал Харьковский драгунский полк, входивший в состав 4-го кавалерийского корпуса. Из наградных документов следует, что его шеф полковник Д.М. Юзефович «с отличной храбростью атаковал два раза неприятеля с целым полком, опрокинул одного и, врубаясь в самые ряды их, привел его в большое расстройство и гнал до самых колонн их». Однако 3-й полк устоял, и атакующие вернулись на исходные позиции. «Казалось, - отмечал Брандт, - что после этого мы благополучно выдержали самый опасный фазис сражения, как вдруг русские вернулись, атаковали нас, овладели кустарником и отбросили наших стрелков на полк. Командир полка решился на отчаянную попытку: при звуках труб и громе барабанов он устремился на русских; те отошли и мы заняли нашу прежнюю позицию». В этом упорном бою с особой активностью против

неприятеля действовал 1-й егерский полк под командованием полковника М.И. Карпенкова (Карпенко), который, как отмечал Ермолов, «открывал себе штыками путь к успехам». В наградных документах подчеркивалось, что Карпенков «с примерным мужеством водил командуемые им войска на неприятеля, отразив оного штыками, и прогнал на немалое расстояние». Вспоминая накал завязавшейся на левом фланге русских войск борьбы, участник противоборства офицер 2-й батареинной роты Г.П. Мешетич спустя шесть лет в своих записках писал, что «ни превосходство их сил, ни жестокий огонь их артиллерии и ни напор их егерей не могли сдвинуть с места Русс! Егеря наши, сошедши к ним в кусты, брали их штаб- и обер-офицеров в плен, но большею частию их ранивши штыками»³⁸.

С заходом солнца Мюрат предпринял последнюю попытку прорвать линию обороны русских войск. «Было 6 часов вечера, – вспоминает Мишель, – и мы должны были разбить бивак, когда король (Мюрат. – *В.Б.*) приказал идти вперед. 33-й и 48-й линейные полки сбились в одну плотную массу, и вся линия пришла в движение; с левой стороны кавалерия разорвала цепь противника, и единственная пушка в центре уничтожила всякое сопротивление. Тем временем противник, который образовал линию на поляне и в лесу между Карсаково и Курилово, уверенно ожидал массы этих двух пехотных полков и встретил их залпами по всему фронту». Русская кавалерия бросилась в атаку, но была отбита кавалерией. Не сумев сломить сопротивление русских войск, неприятельские полки отошли на прежнюю позицию³⁹.

Исход боя был ясен уже в 7 часов вечера. В это время Милорадович прислал в Главную квартиру рапорт, в котором сообщал, что на позиции у д. Чернишня «место было удержано»⁴⁰. Более того, как писал в своих записках майор 1-го егерского полка М.М. Петров, «сражение при деревне Винькове, перед левым берегом оврага ручья Чернишны,

кончилось в сумерках дня того прогнанием неприятеля за ручей»⁴¹. То, что основные силы противника вернулись на правый берег р. Чернишни, отмечает в описании боя и Мишель. По его свидетельству, противоборствующие войска находились на занятых позициях до 9 часов вечера, после чего неприятельская пехота отошла на другой берег реки, а кавалерия «оставалась всю ночь почти в той же позиции, в какой она была во время сражения»⁴². Для прикрытия местности на левой стороне р. Чернишни была оставлена кавалерия и, вероятно, части польской пехоты.

Ожесточенный бой, длившийся почти десять часов, прекратился только с заходом солнца и наступлением ночи⁴³. В этом противостоянии участвовало с каждой стороны примерно по 25 тыс. человек. При этом Милорадовича прикрывала вся русская армия, стоявшая в укрепленном лагере за р. Нарой, а Мюрат мог опереться только на сводный корпус Бессьера, который мог поддержать его при отходе к Москве, к главным силам Наполеона. Но Мюрат, вероятно, не опасался быть разбитым и продолжал вести активную борьбу с русским арьергардом. Взаимные атаки и контратаки не приносили желаемого результата. Противники продолжали удерживать свои позиции на левой стороне р. Чернишни. Последняя атака, предпринятая Мюратом силами 2-й пехотной дивизии, происходила уже в ночных сумерках. Она стала заключительным аккордом боя, показавшим решимость арьергарда не покидать занятое им место.

По данным сводной ведомости, составленной в декабре 1812 г. дежурным генералом 1-й Западной армии П.А. Кикиным, в ходе боя войска Милорадовича потеряли убитыми двух офицеров и 97 рядовых, ранеными – четырех офицеров и 322 рядовых, пропавшими без вести – 32 рядовых (всего 457 человек). О потерях противника достаточно точных сведений не имеется, но можно предположить, что они были не намного меньше русских, а то и больше. Так, Брандт писал, что «мы потеряли 11

офицеров и 257 нижних чинов», имея в виду, вероятно, не только 2-й пехотный полк, а все три полка Вислинского легиона. Мишель, описавший действия дивизии Дюфура, ограничивается фразой о значительных потерях среди офицеров и солдат 33-го и 48-го линейных полков. Вместе с тем он отметил, что в бою был ранен бригадный генерал барон Р.Ж. Эксельманс, командовавший дивизией легкой кавалерии. Возможно, речь идет о 3-й дивизии легкой кавалерии, входившей в состав 3-го корпуса кавалерийского резерва, прикрывавшего правый фланг и центр позиции отряда Мюрата при Виньково. Всего, по данным Вильсона, сообщенным 5 октября британскому посланнику в России лорду В.-Ш. Кэткарту, «неприятель потерял не менее 800 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен: в числе первых считают и одного генерала»⁴⁴.

В конечном итоге русские войска вышли победителями из этого важного для армии боя. Мюрат, исчерпав свои возможности и попытках заставить Милорадовича отступить, с наступлением ночи сам был вынужден отвести войска за реку из опасения внезапной атаки, в то время как русские войска остались на занимаемой позиции. По свидетельству Вильсона, факт своего поражения Мюрат был вынужден признать перед Милорадовичем во время встречи 23 сентября на аванпостах. При этом Мюрат сказал ему: «Monsieur, vous êtes sans doute maitre du champ du bataille^{*1}»⁴⁵. В этом же духе отзывается о бое 4 октября Брандт: «Русские, безусловно, удержали за собой позицию, в которой приняли сражение, одержали, следовательно, победу, и притом первую решительную победу в эту войну, хотя не взяли ни пленных, ни трофеев»⁴⁶. Вильсон, пристально наблюдавший за развитием событий на театре военных действий, в письме к Воронцову от 5 октября писал о бое как о сражении, «которое было поистине великолепным делом, повлекшим за собою

---

* Сударь, вне всякого сомнения, вы хозяин поля битвы (*фр.*).

чрезвычайно важные следствия и явившим собою первое свидетельство решимости русских после оставления Москвы стоять *ried ferme*^{*2*}»⁴⁷. Ермолов в своих воспоминаниях оценивал значение боя следующим образом: «Около вечера неприятель отступил на всех пунктах и неподалеку расположился лагерем. В продолжение войны обстоятельства, возлагая на нас горькую необходимость отступления, облегчали неприятелю достижение его намерений. Здесь, в первый раз безвозмездны были его усилия!»⁴⁸.

Итак, анализ документов и воспоминаний участников событий позволяет говорить о наличии двух самостоятельных арьергардных боев, происходивших 21 и 22 сентября. При этом 21 числа наибольший ущерб был нанесен неприятелю вблизи с. Спас-Купля, при выходе его из лесного дефиле. Во время второго боя, 22 сентября, основная борьба между русским арьергардом и авангардом противника развернулась на левой стороне р. Чернишни, в окрестностях сельца Виньково. Таким образом, вполне оправданным выглядит обозначение этих арьергардных боев по названиям тех населенных пунктов, вблизи которых происходили главные этапы противоборства. И если бой при Спас-Купле 21 сентября был ознаменован частной победой над противником, который, несмотря на серьезные потери, продолжил свое наступательное движение, то бой при Виньково 22 сентября остановил всякое дальнейшее продвижение неприятеля по Старой Калужской дороге. Этот бой показал, что русская армия после оставления Москвы сохранила свою боеспособность и может вполне успешно противостоять войскам Наполеона. Кроме того, он продемонстрировал решимость Кутузова прекратить дальнейший отход по дороге на Калугу и его готовность продолжить прерванное оставлением Москвы противоборство. Этот вывод находит подтверждение в приказе Кутузова по армии, отданном 22 сентября. В

** Твердою ногою (*фр.*).

нем главнокомандующий указывал: «Завтрашнего числа в 9 часов утра всем господам генералам, кроме находящихся в авангарде, прибыть ко мне. В 10 часов быть в лагере молебствию. Да всеильная десница Божия, управляющая судьбами царств, поможет нам преодолеть врага нашего. Приготовиться к делу, пересмотреть оружие, помнить, что вся Европа и любезное Отечество на нас взирают»⁴⁹. Однако этим намерениям не суждено было осуществиться. На следующий день, 23 сентября, к Кутузову прибыл с мирными предложениями от Наполеона бывший французский посол в России граф Ж.А. Лористон. С этого момента боевые действия на главном направлении были прекращены, что дало возможность главнокомандующему продолжить наращивание сил для предстоящей борьбы и одновременно усугубило трудности, с которыми столкнулись войска Наполеона в Москве и ее окрестностях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все даты приводятся по старому стилю. В цитатах сохраняется стиль источника, для дат по новому стилю в квадратных скобках указывается соответствующая дата по старому стилю.

² По материалам генерального межевания 1770-х годов, рассматриваемый населенный пункт обозначен как сельцо Виньково (Описании и алфавиты к Калужскому атласу. Ч. 1: Описание города Боровска и его уезда. [СПб.], [1782]. С. 76–77). Это же название можно увидеть и в документах Калужского дворянского собрания за 1812 г. (см.: Список наряженных с помещичьих и владельческих душ конных и пеших воинов во внутреннее ополчение 1812 г. // *Булычев Н.И.* Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губернии: Калуж. дворян. ополчение. Калуга, 1910. Прил. С. 79). Вместе с тем в «Указателе дорог Российской империи» М.С. Вистицкого, изданном в 1804 г., данный населенный пункт назван деревней Чернишной (см.: *Вистицкий М.С.* Указатель дорог Российской империи. СПб., 1804. Ч. 1. С. 25). Именно это название использовалось в документах Главного штаба Кутузова. На основании традиционного наименования населенного пункта (сельцо Виньково) и употреблении этого названия в воспоминаниях участников событий и трудах первых историков войны 1812 года бой 22 сентября 1812 г. в данной работе обозначается как бой при Виньково.

³ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 342. (Далее – Кутузов).

⁴ *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1823. Ч. 1. С. 325–326; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1840. Ч. 3. С. 17–18; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 360 (ср. запись из «Журнала военных действий»: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 381).

⁵ *Поликарпов Н.П.* О сражении 22 сентября 1812 г. между селом Вороновым и рекою Чернишною: Доклад, читанный в кружке ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г. 16 декабря 1910 г. [М.], [1910].

⁶ 1812 год. Воспоминания воинов рус. армии. М., 1991. С. 12, 25, 35, 95, 198, 343.

⁷ *Ульянов А.И.* Тарутинское сражение: Проблемы изучения // События Отечественной войны 1812 г. на территории Калужской губернии: Материалы науч. конф., посвященные 180-летию Малоярославецкого сражения. Малоярославец, 1993. С. 36–39; *Он же.* Спас-Купля // Отечественная война 1812 г.: Энциклопедия. М., 2004. С. 672–673.

⁸ *Подмазо А.А.* Большая Европейская война 1812–1815 гг. М., 2003. С. 52.

⁹ *Вильсон. Р.-Т.* Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 68, 266.

¹⁰ Отечественная война 1812 г.: Материалы Воен.-учен. архива. СПб., 1912. Т. 18. С. 45–46, 48 (Далее – ВУА); М.Н. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 253; *Богданович М.И.* Указ. соч. С. 334, 337.

¹¹ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 307, 308.

¹² ВУА. Т. 18. С. 4; Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 321. При публикации документа в обоих сборниках была допущена ошибка в определении адресата, которым был назван М.А. Милорадович. Однако обращение «ваша светлость» и указание оставить извещательный пост на Новой Калужской дороге позволяют утверждать, что данное предписание было адресовано князю И.М. Вадбольскому, направленному по приказу М.И. Кутузова от 16 сентября на Новую Калужскую дорогу для действий на Можайской и Рузской дорогах (см.: М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 2. С. 309).

¹³ ВУА. Т. 18. С. 4, 5; Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 331, 340–341.

¹⁴ ВУА. Т.18. С. 55; Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 252–253, 271, 335, 337; *Fain A.-J.-F.* Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 2. P.110–111, 177–181; *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Т. 2. P. 145, 148–151; *Брандт Г.* Из записок прусского генерала от инфантерии Брандта о походе Наполеона в Россию в 1812 г. // Военный сборник. 1870. №4. С. 250–251.

¹⁵ ВУА. Т. 18. С. 90, 96–97; Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 339–341; *Бутурлин Д.П.* Кутузов в 1812 г. // Рус. старина. 1894. №10. С. 218–219; *Муравьев Н.Н.* Записки Николая Николаевича Муравьева // Рус. архив. 1885. №11. С. 359–361; *Брандт Г.* Указ. соч. С. 254; *Роос Г.* С Наполеоном в Россию. М., 2003. С. 67, 69.

¹⁶ *Брандт Г.* Указ. соч. С. 257.

¹⁷ ВУА. Т. 18. С. 100.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Роос Г.* Указ. соч. С. 69. Роос ошибочно относит описываемые им события к 22 сентября/4 октября, что противоречит воспоминаниям и дневникам других участников и свидетелей боя, а также рапортам Милорадовича. Анализ этих источников позволяет отнести бой у Спас-Купли к 21 сентября/3 октября 1812 г.

²⁰ *Орлов-Денисов В.В.* Из воспоминаний графа Орлова-Денисова // *Харкевич В.И.* 1812 г. в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып.1. С. 225.

- ²¹ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 341.
- ²² Роос Г. Указ. соч. С. 69–70.
- ²³ ВУА. Т.18. С. 18.
- ²⁴ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 341.
- ²⁵ Michel. Relation des combats des 4 et 18 octobre 1812: Bataille de Taroutino ou combat Winkowo // Memoires du General Bennigsen. P., S.a. Т. 3. P. 254–255.
- ²⁶ Брандт Г. Указ. соч. С. 259.
- ²⁷ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 381.
- ²⁸ Брандт Г. Указ. соч. С. 259; Michel. Op. cit. P. 255.
- ²⁹ Брандт Г. Указ. соч. С. 259.
- ³⁰ Там же. С. 260; Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова, 1798–1826 гг. М., 1991. С. 211. Данное предположение подтверждается участием в бою 22 сентября подпоручика 2-й батареинной роты 11-й артиллерийской бригады Г.П. Мешетича, который за отличие был награжден орденом Святой Анны 3-й степени (Мешетич Г.П. Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год: Воспоминания воинов рус. армии. С. 25, 51).
- ³¹ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 209.
- ³² М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 361.
- ³³ Michel. Op. cit. P. 255; Кутузов. Т. 4, ч.1. С. 344.
- ³⁴ Michel. Op. cit. P.255; Брандт Г. Указ. соч. С. 259–260.
- ³⁵ Dumonceau F. Mémoires du général comte François Dumonceau. Bruxelles, 1958. Т. 2. P. 170.
- ³⁶ Брандт Г. Указ. соч. С. 260–261.
- ³⁷ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 209–210; Кутузов. Т. 4. Ч. 1. 344–345.
- ³⁸ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 345, 346; Брандт Г. Указ. соч. С. 261; Ермолов А.П. Указ. соч. С. 210; Мешетич Г.П. Указ. соч. С. 51.
- ³⁹ Michel. Op. cit. P. 255.
- ⁴⁰ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 381.
- ⁴¹ Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 г. // 1812 год: Воспоминания воинов рус. армии. С. 198.
- ⁴² Michel. Op. cit. P. 256.

⁴³ Заход солнца 22 сентября 1812 г. в Москве был в 5 часов 34 минут вечера (Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1812. СПб., [1811]. Ч. 1. С. XI).

⁴⁴ *Брандт Г.* Указ. соч. С. 262; *Michel.* Op. cit. P. 255; *Вильсон Р.-Т.* Указ. соч. С. 160.

⁴⁵ *Вильсон Р.-Т.* Указ. соч. С. 70, 163.

⁴⁶ *Брандт Г.* Указ. соч. С. 262.

⁴⁷ *Вильсон Р.-Т.* Указ. соч. С. 163.

⁴⁸ *Ермолов А.П.* С. 210.

⁴⁹ М.И. Кутузов. Т. 4, ч. 1. С. 351.

Автор выражает искреннюю признательность В.Н. Земцову и А.И. Попову за ценные советы и помощь, оказанную в выявлении иностранных источников.